

отличать случайное от закономерного, более правдоподобную догадку от менее правдоподобной и т. д. Здесь-то и приходит на помощь вероятностный подход, лежащий в основе правдоподобных заключений. Именно в этом смысле следует понимать высказывание, что вероятностный подход может рассматриваться как основа стратегии экспериментального исследования, а математическая статистика — как метаязык экспериментатора¹². Из сказанного естественно следует, что место статистических методов в лингвистике в принципе не отличается от их места в других науках, имеющих дело с наблюдением и экспериментом. Если мы согласимся с тем, что лингвист добывает знания прежде всего с помощью наблюдения, то логично будет признать, что в чем-то главном он действует так же, как естествоиспытатель¹³.

Внимательное чтение многих лингвистических работ, принадлежащих крупным исследователям, позволяет обнаружить глубинную общность «естествоиспытательного мышления», которая часто не просматривается из-за определенной традиции в способе изложения результатов, принятой в лингвистических сочинениях. В сущности такие классики, как Бодуэн и Балли, по духу были типичными естествоиспытателями, но мы лишены драгоценной возможности проникнуть в логику их исследовательского пути: нам предлагаются только результаты. Закономерно, однако, что именно Л. В. Щерба, последователь Бодуэна де Куртэне, эксплицитно ввел в языкознание принцип эксперимента.

Естественно, что лингвистические гипотезы, чтобы быть полезными, должны быть сформулированы н а п о д о б и е гипотез, формулируемых в других науках, оперирующих правдоподобными заключениями, т. е. в расчете на дальнейшую экспериментальную проверку. «Наподобие», однако, не означает «идентичным образом». Здесь-то и возникают принципиальные трудности, связанные со спецификой языка как предмета лингвистики.

Хорошо известно, что представление о предмете науки, а более точно, о том, что именно следует изучать, чтобы изучить данный объект, эволюционирует по ходу развития отдельных наук. Параллельно формируются новые связи между данной областью знания и другими науками, а также новые формы использования достижений данной науки в человеческой деятельности. Расширение границ предмета науки влечет за собой потребность в новых методах; появление же новых методов позволяет отвечать на те вопросы, которые ранее оставались без ответа.

Разумеется, в процессе развития конкретной науки все эти процессы функционируют взаимосвязанно; не так часто можно предсказать, какой именно метод мог бы в дальнейшем уподобиться архимедову рычагу. Конечно, с е г о д н я понятно, что без вычислительных машин невозможно было бы моделирование определенных аспектов интеллектуальной деятельности человека. Но еще и сегодня не ясно, какие именно методы следовало бы использовать, чтобы больше знать о том, что, например, собой представляет механизм фонематического слуха. Подчеркнем, что сама возможность выдвижения работающих, т. е. экспериментально проверяемых гипотез обеспечивается прежде всего расширением методов лингвистического исследования — в значительной мере путем использования методов других наук, в том числе и тех, которые никогда прежде не рассматривались лингвистами как смежные. Мы хотели бы также обратить внимание читателя на то, что под продуктивным использованием методов смежных наук чаще всего следует понимать не оснащение лабораторий сложными приборами и даже не использование ЭВМ, а более углубленный подход к самой постановке задачи, к анализу ее «физической» сущности.

¹² Н а л и м о в В. В. Теория эксперимента. М., 1971.

¹³ Отсюда, однако, вовсе не вытекает, что языкознание не является гуманитарной наукой.